

Не так давно* журнал уже обращался к наследию видного американского социолога, лидера Чикагской школы, Роберта Парка. Проницательный и необыкновенно наблюдательный ученый, Парк отражал в своих сочинениях тончайшие изменения и сдвиги, происходившие в том динамичном и сложном обществе, которое принято называть «современным». Предлагаем вниманию читателей позднюю статью чикагского мэтра, в которой он попытался дать сжатый анализ современного общества и определить его основные параметры. Внимательное изучение статьи заставляет задуматься над вопросом: а далеко ли мы продвинулись за истекшие полвека в анализе принципиальных тенденций современного социального развития, в т.ч. той, которую именуют ныне глобализацией?

Роберт Э. ПАРК

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО**

Много было написано об обществе до и после того, как Г.Конт и О.Спенсер впервые описали его как организм. Меньше было написано об обществах. Когда ученые хотели сказать об обществе во множественном числе, они употребляли выражение «социальная группа». Едва ли не для всей нынешней социологии, как, впрочем, и для других социальных наук, общество образуется из обществ, а обществами являются социальные группы.

Конта и Спенсера, которые стремились превратить социологию в науку, сегодня отнесли бы скорее к философам, чем к ученым. Как бы то ни было, они в величественной манере философов писали не об

* См.: Парк Р. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 1(7). С. 101-113.

** Перевод выполнен по изданию: Park R.E. Society, Collective Behavior, News and Opinion, Sociology and Modern Society, Glensow, Ill., 1955. P. 322-341.

Роберт Эрза Парк (1864-1944) — американский социолог, глава научной школы по социальной экологии.

обществах, а об обществе; и поскольку общество они видели в широкой исторической перспективе, оно, пожалуй, интересовало их больше как идея, нежели как вещь.

Позднее ученые, обратив внимание на анализ и описание общества в его существующих конкретных формах, открыли в огромном многообразии меньших по размеру социальных единиц по существу одни и те же социальные процессы, производящие по существу те же самые социальные структуры, что и наблюдаемые философами истории. Это подвигло их предпринять несколько рискованный эксперимент по, так сказать, изъятию обществ из их локальных и исторических окружений, с тем чтобы увидеть их *sub specie aeternitatis*, то есть как индивидуальные случаи какого-то класса или типа. О таких классах и типах могут выдвигаться некоторые общие утверждения. Видимо, таков, по крайней мере отчасти, метод естественных наук, в отличие от наук исторических. Во всяком случае, история не задает вопросов о том, что вещи собой представляют. Таксономические задачи перед ней не стоят, так как обычно она не стремится выдвигать общих утверждений. Она просто использует их для толкования своих утверждений об исторических фактах. Поскольку и когда историки пытаются высказывать общие, а не частные суждения, история перестает быть историей и, возможно, становится социологией.

Однако вещи, классифицируемые наукой, меняются. Скопления людей при определенных обстоятельствах становятся толпами; религиозные движения возрождения создают религиозные секты; социальные движения преобразуются в социальные институты. Именно этими изменениями и процессами, которые их вызывают, интересуются в конечном счете социология и другие социальные науки, поскольку они принимают характер естественных наук. В этих обстоятельствах стал широко употребляться более абстрактный термин для описания разных социологических видов. Этот термин, «социальная группа», сегодня обычно применяется для обозначения любой формы общества — от семьи до собрания жителей района. В словаре социальных наук слово «общество» еще используют в том смысле, в котором его употребляли Спенсер и Конт, но теперь — лишь для описания той всемирной сети социальных отношений, в пределах которой в нашем современном мире все народы и все институты очевидным образом связаны друг с другом и продолжают связываться все теснее. Именно в этом смысле Грэм Уоллес употребляет термин «Великое Общество». Великое Общество — это современное общество.

Джордж Мид, глубже чем кто бы то ни было, кого мне довелось знать, проанализировавший отношения, которые мы называем соци-

альными, описал социологию как науку об институтах. Однако мне кажется, что социальные институты служат предметом изучения специальных социальных наук — экономики, политологии и, возможно, сравнительного религиоведения. Каждая из дисциплин занимается каким-то типом институтов, причем типом, характерным для одного из нескольких уровней, на которых происходит социальная интеграция.

Мы говорим об экономическом обществе, политическом обществе и если не о религиозном обществе, то по крайней мере о религиозных обществах. Мы говорим о них так, словно каждое из них не представляет всего лишь один аспект — или одну систему человеческих отношений — того более всеохватного социального агрегата, который описывается Контом и Спенсером как социальный организм.

Эта сегментация общества вместе с соответствующей ей специализацией социальных наук логична и возможна, поскольку на каждом из этих уровней — экономическом, политическом и культурном — возникли особые функции, отвечающие потребностям неуклонно расширяющегося общества. То, что эти структуры и процессы в современном обществе функционируют относительно независимо друг от друга, факт настолько известный, что мы даже не всегда представляли его значимость. В настоящий момент, когда старый социальный порядок, похоже, рушится и уплывает в прошлое, как лед весной вниз по реке, мы яснее, чем когда-либо раньше, видим, что эти разные уровни социальной интеграции лишь относительно независимы друг от друга и что мы никогда не сможем постичь целиком ни экономический, ни политический, ни моральный и религиозный аспекты общества, если не будем рассматривать их, по примеру антропологов, как неотъемлемые части единого организма.

Рассматриваемые в своей целостности как социальные единицы, а не как совокупности социальных институтов, общества подразделялись и могут для удобства подразделяться на два типа по простому основанию — наличию или отсутствию письменности. Есть письменные народы и дописьменные народы. Едва ли не все наше знание о современных обществах исчерпывается знанием о письменных народах. Мы не мыслим примитивные общества как современные. «Современное» в том смысле, в каком мы обычно употребляем это слово, не есть временная категория. Едва ли не все наше знание о современных обществах содержится в открытиях специальных социальных наук. Если отвлечься от того, что было внесено в наше познание специальными науками, оставшееся, мягко говоря, не впечатляет.

С другой стороны, ни в этих специальных науках, ни в исследованиях конкретных институциональных форм, характеризующих общество на разных уровнях интеграции, мы скорее всего не выявим тех особых черт, которые отличают его от иных, более ранних и простых форм ассоциации. Что для современного общества, как, впрочем, и для любого другого, действительно уникально, так это, вероятно, та связь, в которой находятся эти разные уровни интеграции — экономический, политический и моральный — друг с другом и с тем общественным целым, частями которого они являются.

Речь в этой статье идет прежде всего о том, что Грэм Уоллес и другие назвали «Великим Обществом», т.к. данный термин, видимо, охватывает всю сферу социального в той мере, в какой способы совместной жизни людей приобрели институциональные формы, специфически характерные для современной жизни.

Но сфера социального в том смысле, в каком ее понимают некоторые ученые, включает в себя не только привычки человека, но и его среду обитания. Во всяком случае, сфера социального, в обычном ее понимании, существует в рамках (и зависит от) экономики, которая не является социальной в том смысле, в каком этот термин применяется только к человеческим существам. Это экономика, в которой участвуют все живые существа постольку, поскольку они повсюду связаны воедино тем, что было названо «паутиной жизни»¹.

От примитивных и дописьменных обществ, какие все еще существуют на внешних окраинах нашей разрастающейся мировой экономики, современное общество отличается настолько очевидно, что это почти скрывает фундаментальной факт подобия в общих чертах человеческого общества и в человеческой жизни. Вместе с тем современное общество отличается от более ранних и менее утонченных обществ некоторыми способами, которые не столь очевидны. Каковы отличительные характеристики современного общества? Их много; я упомяну только несколько.

¹ «В каждой среде обитания мы находим наличие некоторого рода сообщества, или общества организмов, не только охотящихся друг на друга, но и зависящих друг от друга, а также поддержание некоторого равновесия между различными видами, пусть часто резко нарушаемого, которое позволяет этому сообществу *сохраняться*... Этому предмету, исследуемому жизненные равновесия и взаимообмены, было дано особое название — Экология. Слово «Экология» было введено в оборот знаменитым немецким биологом Геккелем в 1878 г.; оно происходит от греческого слова ойкос, «дом», от которого произошло также и более старое слово «экономика». Последний термин используется только применительно к человеческим делам; в сущности, экология есть распространение экономики на весь мир жизни». (Wells H. G., Huxley J. S., Wells G. P. The Science of Life. Vol. III. N. Y., 1931. P. 961.)

(1) *Размер*. В рамках существующей мировой экономики, навязанной европейской торговлей и промышленностью всему остальному миру, имеется растущая совокупность обычаев, практик и артефактов — короче говоря, цивилизация, — в радиусе влияния которой живут ныне все народы Земли. Эта цивилизация, новая и обнимающая собою весь мир, унаследовала культурные традиции более древних и простых народов. Нет, вероятно, ни одного расового меньшинства и ни одной локальной культуры, которые бы не внесли свою лепту в культурные ресурсы этого космополитического общества.

В этой цивилизации, как и в любой другой, имеются два типа культурных элементов: (1) элементы, имеющие местное происхождение и представляющие собой открытия и изобретения народов, ими обладающих, и (2) экзотические элементы, занесенные к ним процессами культурной диффузии. Эти два типа элементов образуют «ткань культуры народа, или его цивилизации». Роланд Б. Диксон на этот счет говорит: «Основа этой ткани берется изнутри; экзотические элементы, или уток, — извне. Основа статична, поскольку привязана в какой-то мере к среде. Уток динамичен, подвижен, дрейфует по линиям диффузии»².

Основа новой цивилизации представлена элементами, проистекающими из попыток народов жить в городах, особенно в больших городах, выросших в последние годы вдоль морских магистралей мира. Эта основа, имеющая европейское происхождение, — продукт машинной эпохи.

Уток, в свою очередь, образуется из элементов, привнесенных народами и культурами внеевропейского мира. Эти экзотические черты, по крайней мере во многих случаях, были до такой степени трансформированы, перекрыты и приглушены позднейшими добавлениями и процессами аккультурации, что только профессионалы, владеющие методами культурного анализа, имеют шанс распознать их в существующей ткани культуры.

К числу прочих вещей, характеризующих эту новую и все еще растущую цивилизацию, относится то, что ее границы уже совпали с географическими границами человеческой среды обитания. С тех пор, как Стэнли в 1877 г. открыл истоки Нила, в мире не осталось почти ничего, что еще можно было бы открыть. Арктические регионы не в счет. Они не попадают в пределы того, что греки называли *ойкуменой*. Значение этого факта кроется не просто в том, что современное обще-

² Dixon R.B. The Building of Cultures. N. Y., L., 1928. P. 271.

ство достигло территориальной протяженности, которой еще не достигало ни одно предшествующее общество, но в том, что достигнутая им протяженность совпала с географическими пределами обитаемого мира. Любая дальнейшая экспансия Великого Общества, следовательно, будет происходить в направлении большей сложности, а не территориального расширения.

Этот физический факт устанавливает пределы для очень многих вещей. В первую очередь, он ставит предел капиталистической системе, возникшей с экспансией европейской торговли и выросшей в рамках и на основе неуклонно расширяющегося рынка. С тех пор, как Европа стала экспортировать капитал в экономически и политически зависимые от нее страны, европейский рынок не расширяется, а, наоборот, сужается. Кроме того, свободная конкуренция в силу кажущейся необратимой тенденции всюду создала монополии: либо в форме международных торговых соглашений — либо в форме государственных тарифов.

Современная цивилизация уже в силу одного только размера созданной ею социальной единицы решительно изменила функционирование не только экономических, но и всех других типов социальных институтов.

Одно из следствий размера Великого Общества следующее: по мере того как паутина человеческих отношений росла в своей протяженности, возрастала мобильность и, как следствие этого, межличностные отношения становились более случайными, беспорядочными и «демократичными». Повсюду диффузия европейской культуры сопровождалась все большим ослаблением семейных и племенных связей, которые так или иначе скрепляли общество в прошлом и без всякой полиции или судов поддерживали в нем некоторый род дисциплины.

Так, диффузия европейской культуры всюду несла с собой разрушение местных и традиционных религиозных вероисповеданий и замену религиозного социального порядка светским.

Небольшие религиозные секты, возникавшие спонтанно и в немислимых количествах на фронтах европейской цивилизации, в Соединенных Штатах, да и везде, в каком-то смысле и до известной степени выполняли в современном мире функцию, выполняемую в примитивных обществах кланом и племенем. В большинстве случаев они представляют собой жалкие попытки потерянных душ обновить свою религиозную веру. Там, где попытки эти завершались неудачей, это происходило, по всей видимости, потому, что в них рекрутировались по большей части обращенные из разнородных в расовом и куль-

турном отношении групп. Они не базируются или пока не базируются, как в случае евреев и других племенных религий, на родовом единстве. Они, как мормоны, адвентисты седьмого дня или приспешники Христианской науки, набираются по существу из народов одного класса, а не одной расы. В итоге связи, их объединяющие, являются не расовыми или родственными, а идеологическими.

Так и должно быть, учитывая, что эти секты находятся пока на стадии пропаганды. В противоположность им, родовые общества обычно, как и касты, являются закрытыми и поддерживаются только естественным ростом.

«Масштабная социальная организация, — пишет Грэм Уоллес, — вещь не совсем новая... По мере того как древние империи возрастали в размерах, они становились слишком далекими и нереальными, чтобы пробуждать чувства преданности или гордости в своих подданных. Методы их деятелей становились более механическими и бесчеловечными, а страсти, группировавшиеся вокруг меньших единиц — локальных, расовых или религиозных, — порождали все более растущее напряжение... «Денежная связь», — добавляет он, не больше, чем «связь через право голосования», гарантировала то общее членство в Великом Обществе, которое означало бы общую солидарность»³.

(2) *Сложность*. Современное общество, очевидно, сложнее, чем общество в любой предыдущий период истории. Сложности приумножаются с каждым территориальным расширением мировой экономики и с каждым приращением в населении мирового сообщества. Территориальной единицей локальной экономики может быть примитивная деревня, город или метрополис. В каждом случае она будет включать территорию, поставляющую товары на центральный рынок и зависящую от него. Этот рынок служит в то же время посредником для обмена благами, услугами и новостями. Вне зависимости от того, сколь мала или велика территориальная единица, экономический, а со временем и каждый другой аспект жизни в локальном сообществе будет реагировать на события и новости, приходящие из каждого другого.

Когда мы говорим, что одна часть мира реагирует на новости из другой, это всего лишь означает, что каждая часть мира реагирует не на то, что просто происходит в каждой другой, а на то, что ее в ней интересует. Такова природа механизма, скрепляющего и координирующего разные деятельности Великого Общества. Общество в том смысле, в каком этот

³ Wallas G. The Great Society. N. Y., 1914. P. 10.

термин применяется к людям и некоторым высшим животным, существует, по словам Дж. Дьюи, «в коммуникации и через коммуникацию».

Сложность современного общества является отражением необычайного разнообразия и взаимозависимости в современной промышленности. Такая организация, какая существует между его широко разбросанными единицами, базируется на всемирном разделении труда, которое появилось с современной коммерцией и тесно с ней связано. Особенно оно связано с хитросплетениями и тайнами международного банковского и финансового дела. Рост мировой экономики вызвал, помимо прочего, такое состояние взаимозависимости всех частей мирового сообщества, что — приведем сравнительно свежий пример — цена сырого каучука на лондонском рынке стала оказывать глубокое влияние на жизнь туземцев в Центральной Африке и в верховьях Амазонки⁴. По такой же причине забастовка портовых рабочих в Шанхае, Бомбее или Сан-Франциско может неблагоприятно отозваться на основных мировых путях сообщения, на которых располагаются эти города.

Самым интересным и значимым выражением этой интернациональной взаимозависимости народов в Великом Обществе является, однако, то, которое вытекает из специализации и разделения труда между людьми науки в каждой части цивилизованного мира. Цивилизованный мир, по-видимому, стремится отождествиться с миром грамотным, но в конечном счете не со всем, а только с той его частью, которая способна ассимилировать систематическое знание. Во всяком случае, действительную значимость этому широкому и более или менее неосознанному сотрудничеству ученых придает тот факт, что оно основано на взаимном понимании и солидарности, делающих возможными коммуникацию и сотрудничество невзирая на расовые, религиозные и политические различия. И это, в свою очередь, делает людей науки участниками общего дела, призванного создать и сохранить фонд знания, составляющий общее наследие всех наций и всех народов.

Эта возрастающая сложность современного общества, обусловленная все большей взаимозависимостью народов, как и следовало ожидать, колоссально затруднила проведение национальной и международной политики. Она сделала необходимыми более полную артикуляцию и *Gleichschaltung*⁵ (если можно употребить этот термин) национальных институтов и международных отношений.

⁴ См.: Rubber // Encyclopedia of Social Sciences. Vol. 13. P. 460.

⁵ Насильственное приобщение к господствующей идеологии (нем.).

Она сделала часы и расписание — столь необходимые для поддержания эффективной социальной организации в других аспектах жизни — все более возрастающим по значимости фактором распространения и поддержания того растущего согласия, которое необходимо для корпоративного действия во все более расширяющемся масштабе.

Наконец, она привела к трансформации экономических деятельностей в своего рода политическое действие, отчего то, что в прежние времена сочли бы коммерческим кризисом, в последнее время стремится приобрести характер политической революции. В таких условиях международные войны приобрели характер международных революций.

Все это, казалось, должно было (позволю себе практический пример) сделать более насущной, чем когда-либо, потребность в таком международном секретариате, какой был создан Лигой наций. Такая потребность назрела, ибо только сделав мгновенно доступной реальную и безличную информацию о международных делах, можно надеяться избежать необходимости решать международные споры, когда они возникнут, такими жесткими средствами, как международные войны.

Я мог бы добавить, что со стабилизацией международных отношений международные новости, по всей вероятности, будут все больше вытеснять в международных делах пропаганду. На самом деле кажется даже, что в условиях, которые навязывает современная жизнь, они должны это сделать, поскольку в случаях международного недопонимания пропаганда является ныне всего лишь более мягкой формой войны. С другой стороны, знание, служащее прояснению фундаментальной общности интересов разных народов и партий, будет давать по крайней мере один надежный способ, пользуясь которым, любая партия или нация может отстаивать свои индивидуальные интересы.

Во всяком случае, сегодня как никогда раньше, кажется очевидным, что единственный способ, с помощью которого индивид может жить, это найти себе работу, а единственный способ, с помощью которого могут выжить нация или общество, это найти себе место, в котором они смогут функционировать, внутри всеобъемлющего социального порядка, неотрывной частью которого они являются⁶.

⁶ Именно существование в таких центрах мировой торговли и политики, как Нью-Йорк, Лондон и Берлин, а также (возможно, в меньшей степени) в крупных городах, стоящих на основных мировых путях сообщения, все большего фонда информации, к которому эксперты, редакторы газет и широкая публика могут иметь мгновенный доступ, позволяющий им интерпретировать и оценивать мировые новости, — именно оно будет делать для мира все более возможным эффективное разрешение каждого нового мирового кризиса, как только он возникнет.

(3) *Скорость*. Общества можно сравнивать и сравнивали с точки зрения их относительной мобильности, т. е. общего объема движения и миграции, характеризующего их или образующие их единицы. Исходя из примерно такой точки зрения, расы и народы классифицировали на кочевые и оседлые, и это различие имеет историческую и социологическую значимость.

Судя по всему, цивилизация появилась с развитием оседлых народов. В то же время, как замечает Карл Бюхер, «каждый новый прогресс в культуре начинается, так сказать, с нового периода миграции». Исторически государство, видимо, брало свое начало в покорении и постоянном порабощении оседлых народов кочевыми⁷.

Мобильность всегда считали показателем, если не причиной социального изменения. Более того, поскольку формы изменения могут быть сведены к модификациям в отношениях, пространственных или иных, между отдельными лицами или другими социальными единицами, из которых образуется общество, эта гипотеза кажется вполне оправданной. Пока исследователи пытались отыскать статистическую единицу для измерения мобильности, последняя в разное время отождествлялась с миграцией, с изменениями места проживания или профессии и статуса в социальной иерархии.

Значимыми эти факты делают то, что, поскольку миграция и мобильность предполагают прерывание существующей социальной рутины или разрыв с традицией и обычаем, они являются, возможно, одной из самых важных причин социальных изменений. Я мог бы еще добавить, что мобильность, по-видимому, связана с общественным беспокойством, которое представляется субъективным аспектом социального изменения.

Эта тесная связь мобильности и социального изменения в личностном и социальном аспектах — явление настолько устойчивое и глубокое, что кое-кто из авторов стал считать миграцию и сопутствующее ей прерывание социальной рутины источником и причиной прогресса⁸.

Продвижение фронта на запад в Соединенных Штатах иллюстрирует, как ослабляются или укрепляются миграцией семейные и общинные связи. В ходе этого исторического движения разные элементы, из которых образуется американское население, были успеш-

⁷ Oppenheimer F. The State: Its History and Development Viewed Sociologically. Indianapolis, 1914. P. 54.

⁸ См.: Bagehot W. Physics and Politics. N. Y.: D. Appleton & Co., 1904; а также главу XV «Метод Юма и Тюбро» в Teggart F. J. Theory of History. New Haven, 1925.

но атомизированы, основательно смешаны и демократизированы. Во многом то же самое происходит сегодня с недавними иммигрантами в американских городах, особенно в северных штатах.

Миграция не тождественна мобильности, хотя, как в случае нómадизма и сезонной миграции, тяготеет к этому тождеству. В случае, если миграция имеет конечную точку в постоянном поселении, она является вековым и необратимым движением, которое нарушает существующее равновесие, но инициирует новое. Будучи сезонной, миграция принимает форму циклического движения и имеет (либо стремится приобрести) характер процесса приспособления, т. е. процесса, посредством которого существующее равновесие не нарушается, а, наоборот, поддерживается.

Этот переход от векового к сезонному типу миграции, т. е. от миграции, которая может быть описана как социальное движение, к миграции, имеющей характер социального процесса, отчетливо виден в изменениях, происшедших за последние пятьдесят лет в характере миграции в США. Но это изменение произошло не только в США, но и в мире в целом в период, предшествовавший началу первой мировой войны. Пожалуй, наиболее замечательным примером последнего типа миграции служит сезонная миграция итальянских рабочих в Аргентину. В этом случае волна мигрантов движется из Италии осенью и возвращается в Италию весной, несомненно, оставляя после себя каждый сезон осадок постоянной миграции. Благодаря этому рабочие-мигранты получают возможность круглый год наслаждаться летом.

По мере того, как с совершенствованием средств транспорта неуклонно уменьшались трудности, сопутствующие путешествию, этот цикл иммиграции и эмиграции настойчиво занимал место миграции и колонизации прежних дней. Так, в Америке позднейшая миграция из Европы приобрела характер волны, которая уже не движется в одном направлении, из Старого Света в Новый, а меняет свое направление либо с сезонной периодичностью, либо просто в ответ на изменения в экономической конъюнктуре.

В наше время миграция — за исключением миграции беженцев — почти прекратилась во всех районах мира. С другой стороны, мобильность мирового населения, похоже, велика как никогда. Каждое усовершенствование в сфере коммуникации и транспорта, упрощавшее и удешевлявшее не просто миграцию, но само перемещение, как правило, повышало общее количество мобильности в мире и делало возможным пересечение более широких пространств за меньшие про-

межутки времени. Иными словами, оно повышало скорость — скорость движения и скорость социального изменения.

Скорость, которая есть не просто скорость, с которой люди движутся, но скорость, с которой совершаются социальные изменения в результате этого движения, повышалась в последние годы все более ускоряющимися темпами. Сегодня, несмотря на прекращение миграции, она явно выше, чем когда бы то ни было в истории. Любопытно, что в то самое время, когда продолжительность человеческой жизни ощутимо увеличилась, темп, в котором протекает жизнь, настолько ускорился, что человека больше, чем когда-либо прежде, впечатляет тот факт, что время не ждет и, по словам Макса Лернера, «за ним не угнаться». Время течет быстро, когда много чего происходит; а в сегодняшнем мире много всего происходит.

Одним из факторов ускорения темпа современного общества является почти полная замена денежной экономикой примитивной формы натурального обмена. Например, ничто так не способствовало мобилизации и секуляризации существующего общества, как все большее использование денег в качестве меры ценности и средства обмена. Оно вызвало их, поставив во всех жизненных отношениях на место личной и моральной связи безличную и рациональную связь между членами Великого Общества.

Именно это имеет в виду Брукс Адамс, когда пишет: «Даже в медленно меняющихся цивилизациях сложившийся тип разума не может адаптироваться к изменениям в среде так быстро, как изменяется сама среда. А потому наступает момент, когда разумы любого данного общего типа перестают удовлетворять требованиям, которые к ним предъявляются, и на смену им приходит какой-то более молодой тип, который, в свою очередь, отбрасывается в сторону еще более молодым, пока не будет наконец достигнут предел административного гения этой конкретной расы. Тогда начинается дезинтеграция, социальная инерция постепенно ослабевает, и общество отбрасывается на уровень, на котором оно способно гармонизироваться. Для нас, однако, наиболее угнетающим аспектом этой ситуации представляется то, что социальная акселерация прогрессирует пропорционально активности научного разума — производящего механические открытия, — и, следовательно, именно торжествующая наука производит те все быстрее происходящие изменения в среде, к которым люди на свой страх и риск должны приспособиться»⁹.

⁹ Adams B. The Theory of Social Revolutions. N. Y.: Macmillan Co., 1913. P. 204-205.

(4) *Механизация*. Жизнь древнего примитивного человека, как для нас воссоздали ее в последнее время в наблюдениях и размышлениях антропологи, проявлявшие особый интерес к данному предмету, изображается как некое идиллическое существование, когда *homo sapiens*, подобно высшим обезьянам, жил в состоянии невинности, т.е. без институтов, орудий труда и традиций¹⁰.

Возможно, такого золотого века человечества никогда не существовало, и, вероятно, простейшая жизнь примитивного человека была не счастливее, чем наша. Тем не менее кажется верным, что с древнейших времен и до наших дней каждый важный шаг вперед в развитии цивилизации если не вызывался, то по крайней мере сопровождался изобретением какого-нибудь нового орудия или какой-нибудь новой техники, призванных удовлетворять потребности все более сложного — или даже более желанного — человеческого существования.

А следовательно, не просто совпадение, что современный мир, где столь беспрецедентного прогресса достигла технология, должен характеризоваться как «машинная эпоха», или век механизмов. Машинерия фактически вошла в саму структуру общества, и человеческая природа, какой мы ее знаем, вероятно, не могла бы существовать без механических средств, которые дала технология, и без привычек и дисциплины, которые навязала механика. Этот факт, пусть с самого начала не очевидный, обсуждался столь часто и многоречиво, что нам нет нужды здесь на нем останавливаться.

Не столь очевидны некоторые более отдаленные и глубокие последствия машинной техники для человеческих отношений и конфигурации культуры в современном мире. Например, одним из признаков, отличающих ментальность современного человека от ментальности человека примитивного, является то, насколько он оказался готов в сфере выполнения обыденных жизненных задач заменить традиционные и магические методы новыми, более рациональными, т.е. то, насколько он преуспел в замене инстинкта, привычки и обычая разумом, рефлексией и техникой. Разум — единственная прирожденная черта, которая, по общему согласию, отличает человеческий род от низших животных. Однако разум созревает медленно; у младенцев, по всей видимости, его нет, и, будучи функцией индивидуальной и социальной жизни, он в немалой сте-

¹⁰ Smith E. Human History. N. Y., 1929. P. 183.

пени зависит от вербальной коммуникации и является ее побочным продуктом¹¹.

Разум, во всяком случае, у цивилизованного человека, достиг весьма высокой степени совершенства благодаря дискуссии и диалектике. Кроме того, глубокое влияние на него оказала технология.

Как я уже говорил ранее, нет ничего рациональнее и понятнее машины¹². Стоит понять, как машину разобрать и собрать, и в ней не останется никакой тайны. Вот перед вами вещь, так сказать, полностью разоблаченная; не остается ничего неясного в ее прошлом и ничего проблематичного в ее будущем, что могло бы подтолкнуть к размышлениям или подвигнуть на мистицизм, ведь ее поведение полностью предсказуемо.

Это на самом деле и имеется в виду, когда говорят, что вещь становится понятной, а поскольку задача науки, видимо, состоит в том, чтобы сделать вещи понятными, она выполняет эту функцию, трактуя вещи как машины, т.е. как такие вещи, которые могут быть разобраны и собраны снова. Там, где, как в случае живых организмов, науке удалось разложить вещи на части, но где ей не вполне удалось снова их воссоединить, живые существа и сама жизнь остались, с точки зрения науки, в большей или меньшей степени тайной.

Технология расцвела главным образом в городах, где она полностью трансформировала человеческую среду обитания. При этом она глубочайшим образом повлияла на структуру таких более древних и традиционных форм общества, как семья и деревенская община. Механизация и рационализация сельского хозяйства привели, в частности, к уменьшению населения в сельских районах; превратив фермерское хозяйство в фабрику, а крестьянина в наемного работника и пролетария, они настолько ускорили темп сельской жизни, что это бросило общество в целом в такое состояние неустойчивого равновесия, при котором может произойти все что угодно — как самое лучшее, так и самое худшее. Дабы придать этой идее больше конкретности, сошлюсь на рассказ Джона Стейнбека об испольтнике в его романе «Гроздь гнева». Этот рассказ, несомненно, комментарий рассерженного человека; однако в любом случае это жизненно достоверное заявле-

¹¹ Mead G. H. Mind, Self and Society, from the Standpoint of a Social Behaviorist / Edited and with an introduction by Charles W. Morris. Chicago, 1934. P. 334-335.

¹² Парк Р.Э. Физика и общество // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М., 1997. № 4. С. 151-152.

ние, принимающее во внимание такие стороны жизни, которые не находят адекватного отражения в официальной статистике.

В городе, в отличие от сельской местности, человек обычно рождается в больнице, проводит почти всю жизнь в гостинице, бараках или многочисленных жилищах подобного рода и умирает в каком-нибудь учреждении, возможно, в доме престарелых. Даже если это преувеличенное изображение действительной ситуации, оно, по крайней мере, дает понять, насколько жизнь в современном обществе была институционализована, а дом превращен в место проживания людей, чьи связи в большей степени случайны, чем интимны, поскольку у них очень разные интересы.

Технология, разумеется, не идентична науке, но, только став прикладной, наука достигает своей цели сделать объект собственных исследований в полной мере понятным. А потому каждый новый шаг в науке предполагает, в конечном счете, открытие нового механизма или нового метода выполнения старых задач. Успешное применение науки — конечный критерий достоверности сделанных ею открытий.

Наука, какой мы ее знаем, есть в действительности наука физическая, и каждый новый шаг в научном познании, даже в области биологии, психологии и социальных наук, предполагает открытие какого-нибудь нового «механизма» — психологического, биологического, физиологического или политического, — который немедленно становится основанием для какой-нибудь новой техники решения проблем социальной и личной жизни. Каждая привычка и каждый обычай — это механизмы, и стоит только науке открыть, при каких условиях формируются или могут быть видоизменены привычки, как это открытие сразу стремится стать основой для новой техники в сфере образования или политики.

Сегодня социологи и психологи энергично анализируют и освещают в своих докладах новые методы пропаганды, рекламы и публицити, с помощью которых могут быть достигнуты или уже достигаются новые и удивительные результаты. Большинство из нас изумились, а некоторые ужаснулись тому, чего достигли герр Гитлер и его соратники, возродив в короткие сроки германскую армию и превратив дезорганизованную Германскую империю в самую мощную военно-политическую машину из когда-либо известных в мире.

Эти результаты были достигнуты отчасти благодаря новым применениям физической науки, но в неменьшей степени за счет новых методов пропаганды, т.е. новых техник пробуждения, активизации и

управления не просто армиями, а стоящими за их спиной неорганизованными и более или менее беспомощными массами. Одновременно Германия достигла такого же успеха в так называемой духовной войне, подрывая моральный дух наций, с которыми она вступала в конфликт. Эта новая духовная война возродила среди политических и других ученых интерес к реалистической политике Н.Макиавелли, который был, видимо, первым философом, предположившим, что политическое действие будет более успешным, если в его основу положить социальные механизмы, а не моральные принципы.

Наука и технология основательно изменили наши методы обращения с людьми в других социальных отношениях. Они привели к замене в политике, образовании и бизнесе методов понимания методами манипулирования. Всюду в Великом Обществе отношения между людьми, бывшие прежде близкими и личными, были более или менее целиком вытеснены отношениями безличными и формальными. В результате этого в современном мире, в противоположность обществам более ранним и простым, по всей видимости, каждый аспект жизни механизмируется и рационализируется. И в особенности это относится к нашим современным городам, оказавшимся вследствие этого населенными по большей части одинокими мужчинами и женщинами.

(5) *Свобода*. Видимо, общей предпосылкой современного мира было и остается то, что цивилизованный человек всегда и везде был вовлечен в борьбу за обретение потерянной свободы. Французская революция и современный мир были возведены парадоксом Ж.-Ж.Руссо «Человек рождается свободным, но всюду закован в цепи», а обращение К.Маркса к пролетариям всего мира, в котором он сказал им, что приобрести они могут всё и что им «нечего терять, кроме своих цепей», стало лозунгом самого фундаментального и губительного социального движения современной эпохи, а именно, борьбы труда за свержение капитала как главенствующей силы в промышленности и политике.

Тем не менее дело, видимо, обстоит так, что при том состоянии жизни, которое для прошлого кажется нормой, большинство людей настолько мало стремились быть свободными, что иногда, похоже, искренне радовались своим цепям. Они могли желать улучшить свое положение, но у них не было желания быть эмансипированными или просвещенными. Такой бережливый, аккуратный и безобидный народ, как христиане России, или жители того, что Х.Л.Менкен называ-

ет весьма уничижительно «библейским поясом»¹³, и прежде всего члены маленьких пиетистских сект, таких, как менониты, моравские братья и другие, еще менее мирские, чем они, явно хотели одного: чтобы их оставили в покое и дали им жить растительной жизнью в атмосфере мистической набожности, не нарушаемой войнами и не затрагиваемой ветрами той доктрины, которая столь часто сотрясала жизнь более утонченных народов.

Крестьяне и примитивные народы славятся своим консерватизмом, и это верно настолько, что в некоторых случаях привычка и обычай, видимо, стали у них столь же фиксированными и непоколебимыми, как инстинкты. При таких обстоятельствах индивидуальный человек становится, так сказать, пленником своих привычек, и социальная жизнь стремится стать непоколебимой рутинной и контролироваться этой рутинной, в которой изменение и прогресс трудны, если не невозможны, — за исключением тех случаев, когда, по выражению Уолтера Беджгота, «овсяную лепешку обычая» раздирает на части война, революция или, возможно, массовая миграция.

За понятием «культурного отставания» кроется представление о том, что основополагающим препятствием для прогресса является традиция. Именно обычай кует оковы, и именно он ограничивает свободу настолько, что каждому новому поколению приходится приспосабливаться к условиям не только ближайшего старшего поколения, но и фактически всех предшествующих. Есть индивиды и народы, которые с неохотой принимают изменения, насаждаемые прогрессом, люди, которых не раздражает тот социальный порядок, в коем они оказались, и которые не желают быть эмансипированными. Это, пожалуй, лишь еще одно свидетельство того, насколько основательно они порабощены.

По-видимому, свободны только те, кто сознает свое рабство. Во всяком случае, сегодня в мире очень много людей, которые сознают свое рабство и восстают против него. Современное общество в действительности (или только по видимости) состоит по большей части из эмансипированных. XIX век стал свидетелем эмансипации рабов в Соединенных Штатах и крепостных в России, а XX веку, видимо, суждено лицезреть более или менее полное исчезновение оставшихся традиционных и институциональных форм — среди всего прочего, брака, — посредством которых общество удерживало свое единство и было в то же время способно принуждать своих членов к некоторой дисциплине.

¹³ Районы на Юге и среднем Западе США. — Прим. перев.

По сути дела, случайность заключения браков и внешне безболезненный способ их расторжения, особенно в Соединенных Штатах, дают показательный пример того, как работает в действительной жизни широко распространенный в современном обществе символ веры, а именно вера в то, что романтическая любовь является единственным прочным основанием для брака — фактически единственным его основанием. Эта доктрина, или догма, относится к тому, что У.Липпман называет «кислотами современности», разъедающими традиционную структуру современной жизни.

Если мы спросим себя, что же это тогда за свобода, которой желают не все люди, то ответ будет такой: свобода имеет несколько измерений, которые, как я уже не раз говорил, соответствуют разным уровням, на которых социально интегрируется современное общество. Первой и самой фундаментальной является свобода, необходимая для существования всякой формы жизни выше растительной, свобода перемещаться, узнавать и видеть мир, или, как говорит Киплинг, «видеть и замечать». Эта свобода обрела свои нынешние параметры с необычным развитием в последние годы средств транспорта и коммуникации и нашла свое выражение в небывалых для истории цивилизации масштабах бродяжничества, хич-хайкинга и туризма. Сегодня путешествует каждый. Люди поскромнее путешествуют в трейлерах и живут в одинокой разношерстности трейлерных стоянок. Те, кто может себе это позволить, путешествуют в тех огромных плавающих отелях, коими являются современные корабли.

Если свобода перемещаться и бывать в разных местах фундаментальна, то вряд ли менее фундаментальна свобода конкурировать. Она включает в себе свободу конкурировать за род занятий в экономике сообщества, а вместе с тем за место и статус в социальной иерархии. Безопасность и того или иного рода признание, видимо, являются минимальными требованиями, которые каждый индивид неизбежно предъявляет к обществу, частью которого он является.

Однако в конечном счете человек в современном обществе нуждается не просто в безопасности и признании, а в праве и возможности самовыражения. И действительно, в современном обществе люди обладают такой возможностью в масштабах, не имеющих параллелей в истории. В наши дни не только каждый путешествует, но и едва ли не каждый путешествующий пишет автобиографию; и автобиография, в конечном итоге, оказывается не столько описанием этого мобильного мира, сколько личной исповедью, или — пожалуй, лучше было

бы сказать — описью содержаний сознания, с которыми путешественник смотрел на мир, который он описывает.

Семья, состоящая из семи детей и их родителей, уходит в кругосветное путешествие, и дети пишут восхитительно наивный и правдивый отчет о своих приключениях. Они называют его «Вокруг света за одиннадцать лет». Молодая цветная женщина без образования и без денег путешествует вокруг света и пишет автобиографический отчет о своих приключениях. Она называет его «Мой великий большой прекрасный мир».

Одна из самых характерных черт современного общества — тот размах самовыражения и саморазоблачения, который оно допускает и поощряет. Стоит лишь углубиться в страницы какой-нибудь популярной книжки из тех, какие в изобилии продаются в газетных ларьках и на железнодорожных станциях, и прочесть анонимные признания и «подлинные истории», которые в них обычно выставляются на обозрение читателей, как сразу осознаешь, в каких масштабах прежде молчаливые массы находят выражение в печати и макулатуре, если уж не в том, что интеллигенция называет литературой. Это проникновение в печать и литературу индивидов, представляющих все культурные слои общества, есть одна из сторон «восстания масс», необыкновенно интересно и убедительно описанного Хосе Ортегой-и-Гассетом¹⁴.

Воздействие этого интеллектуального фермента на все унаследованные формы общества было почти таким же разрушительным, как и более очевидные изменения в материальных условиях жизни. В этом современном мире, где все движется и ничто не пребывает в растительном бездействии, уничтожаются или кажутся уничтожаемыми все социальные различия. Каждый идет учиться в колледж и каждый, подобно Кальтенборну, выпускает новости. Каждый день опросы Гэллпа оглашают суждение широко рассеянной публики по поводу вчерашних и позавчерашних новостей. В этих опросах каждый индивид имеет значение, но при этом не имеет большого значения.

Современное общество и современные манеры — плод всеобъемлющего просвещения. С помощью кино каждый, садясь на ковер-самолет, знакомится с самыми далекими сценами и самыми интимными сторонами нынешней жизни. Нас уже не сдерживают теперь никакие запреты, никакая скромность и никакие расстояния, которые в прежние времена превращали некоторые стороны жизни в таинство. То, чего не разоблачили скрытая камера и съемки, сделанные летом

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3-4.

на пляжах, разоблачают реалистическая литература и напористая нескромность психоаналитиков.

В результате всего этого просвещения современный человек, как его описывает У.Липпман, «суетливо пробираясь сквозь поток событий и ветреность собственной души, приходит к убеждению, что Аристофан, должно быть, думал о нем, когда заявил, что Разброд — царь, отодвинувший в сторону Зевса».

«Ибо, — продолжает он, — современный человек, переставший верить, но не переставший быть легковерным, повис, так сказать, между небом и землей и нигде не может найти себе покоя. Нет никакой теории, объясняющей значение и ценность тех событий, которые он вынужден принимать, и тем не менее он вынужден принимать эти события. Нет никакой моральной власти, в которой он должен теперь обращаться, но есть принудительность мнений, мод и причуд. Для него нет в мире никакой неизбежной цели, а есть замысловатые нужды — физические, политические, экономические. Он не чувствует себя актером в великой и сложной судьбоносной драме, но он подчинен давящим силам нашей цивилизации, вынужденный принимать их скорость, связанный их рутиной, впутанный в их конфликты.

Он может верить в то, что он выбирает в этой цивилизации. Но не может избежать принуждающего давления современных событий»¹⁵.

Было бы приятно, будь это возможно, завершить статью утверждением, вмещающим в одну фразу все, что было до сих пор если не сказано, то хотя бы предположено в отношении тех характеристик современного общества, которые отличают его от более ранних и простых форм ассоциации. Ограничусь, однако, суммарным утверждением, которое, если и не прибавит к сказанному ничего нового, может по крайней мере расставить надлежащие акценты. Современное общество сложное; оно неизмеримо сложнее любого общества, которое ему предшествовало. Оно движется с высокой скоростью. Вероятно, со времен Сократа и софистов Древней Греции в мире еще никогда не происходило так много событий в столь короткие промежутки времени. Современное общество механизировано. Человек сегодня не просто оказался под властью созданных им машин, но и будто бы движется к тому, чтобы они вообще его заменили. Везде, где множатся машины, падает либо численность населения, либо его прирост, так что, видимо, машины производят все больше и больше товаров для все меньшего и меньшего количества людей.

¹⁵ Lippmann W. A Preface to Morals. Macmillan Co., 1929. P. 9.

Современное общество — свободное общество. Все мы дети великой эмансипации, ставшей побочным продуктом машинной эпохи. Машины не устранили наших древних предрассудков, но они заставили нас поставить под сомнение не просто наши традиции, но сами наши инстинкты.

Современное общество — городское и светское общество. Прежние общества организовывались по образцу семьи и родовой группы. Нынешнее общество выросло вокруг рыночной площади. Великие города, соорудившие свои башни вблизи этих рыночных площадей, стали плавильными тиглями, в которых переплавлялись расы и культуры, и центрами интеллектуальной жизни.

Но великие города, в которых людей объединяли скорее симбиотические, нежели социальные связи, видимо, пока не развили традиции, корпуса обычаев или моральной солидарности, достаточных для того, чтобы гарантировалось воспроизводство существующих социальных институтов или же упорядоченная последовательность экономических, политических и культурных изменений, воплощающих в себе чаяния нашего современного мира.

То, что Великое Общество достигло в своем охвате пределов обитаемого мира, свидетельствует о том, что оно достигло своего рода зрелости; однако тот факт, что люди все еще воюют для того, чтобы гарантировать воспроизводство своего образа жизни или навязать миру новый социальный порядок, говорит о том, что он вовсе не пришел ни к своему закату, как предполагает Шпенглер, ни тем более к своему концу¹⁶.

Перевод В. Г. Николаева

¹⁶ «Город — это дух... Дух опрокидывает троны и ограничивает старые права во имя разума и прежде всего — во имя «народа», под которым теперь понимается исключительно народ городов. Демократия — это политическая форма, при которой от крестьянина требуют мировоззрения горожанина...

Наконец, возникает мировая столица, этот чудовищный символ и хранилище полностью освобожденного духа, средоточие, в котором сконцентрировался ход мировой истории. Мировые столицы — это весьма ограниченные по числу гигантские города всех зрелых цивилизаций, которые презирают материнский ландшафт своей культуры и дискредитируют его, низводя до понятия «провинция»...

Этот каменный колосс, «мировая столица», высится в конце жизненного пути всякой великой культуры. Душевно сформированный землей культурный человек оказывается полоненным своим собственным творением, городом, он делается им одержим, становится его порождением, его исполнительным органом и, наконец, его жертвой. Эта каменная машина есть абсолютный город». (Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. И. И. Маханькова. М., 1998. С. 99, 101, 102.)

ТОНИ Р. Г.

СТЯЖАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО (Избранные главы)*

Глава 1. Вступительные замечания

Принято считать, что характерной добродетелью англичан является их способность к упорной практической деятельности, а характерным пороком — нежелание проверять качество этой деятельности в соотнесении с принципами. Они нелюбопытны к теории, принимают основные начала как само собой разумеющееся и больше интересуются состоянием дорог, нежели их местом на карте. И можно со всей справедливостью утверждать, что в обычные времена этого сочетания интеллектуальной пассивности с практической энергией бывает вполне достаточно, чтобы объяснить, если не оправдать, то равнодушие, с коим его обладатели сносят критику более умственно предприимчивых народов. Это настроение тех, кто, заключив сделку с судьбой, довольствуются тем, что она им преподносит, без пересмотра существа дела. Это оставляет разуму свободу сосредоточиться без лишних волнений на выгодной деятельности, ведь его не отвлекает тяга к бесплодным рассуждениям. Большинство поколений, можно сказать, идут по пути, который не они проложили и не они открыли, но который они просто приняли; главное, они должны двигаться вперед. Шоры, носимые англичанами, позволяют им семенить все настойчивее по проторенной дороге, не терзаясь любопытством по поводу своего предназначения.

Но как лекарство для тела не должно становиться его повседневной пищей, так и повседневная пища не может стать лекарством. Бывают времена необычные, и в такие времена недостаточно следовать по проложенному пути. Необходимо узнать, куда он ведет, и, если он ведет в никуда, последовать иной дорогой. Поиск иного требует рефлексии, чуждой по духу спешащим людям, считающим себя практичными на том основании, что они принимают все как есть и оставляют все как есть. Однако для путника, не уверенного в своем пути,

* Перевод выполнен по изданию: Tawney R. H. The Acquisitive Society. L.: G. Bell and Sons, 1923.